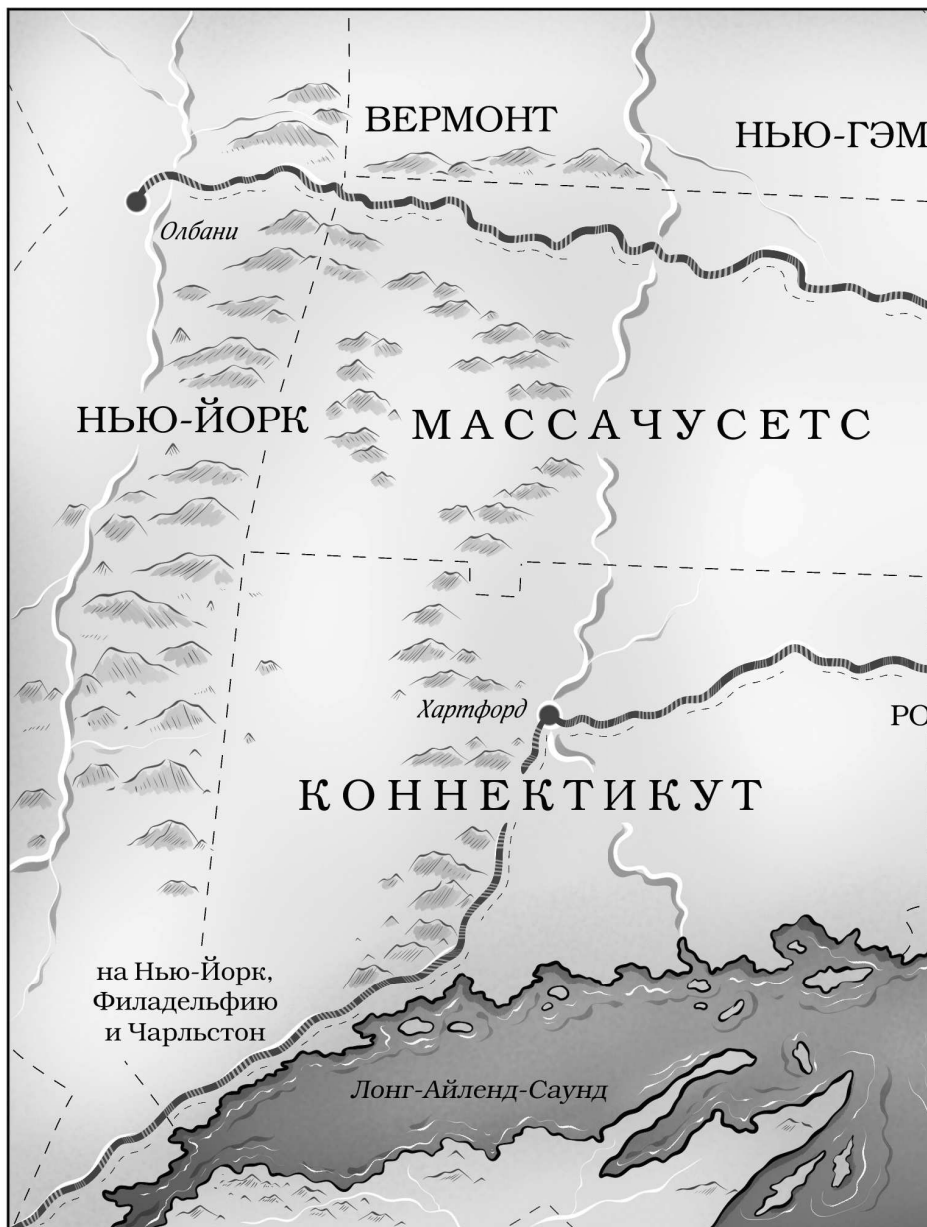

*Брендану Сандерсону.
Спасибо, что держишь факел
и освещаешь мой путь*

ГЭМПШИР

на Манчестер,
Портленд
и Огасту

АТЛАНТИЧЕСКИЙ
ОКЕАН

Бостон

Залив
Массачусетс

Провиденс

Залив
Кейп-Код

РОД-АЙЛЕНД

остров
Блаугдон

Портсмут

Нантакет-Саунд

Род-Айленд-Саунд

СТАНЦИИ

Кинетического
ТРАМВАЯ.

Магические доктрины:

Провидение * Прорицание, гадание,
предсказание, удача

Последствия: забывчивость

Сопутствующий минерал: аметист

Психометрия * Чтение мыслей, галлюцинации,
эмпатия, интуиция

Последствия: притупление чувств

Сопутствующий минерал: азурит

Заклинательство * Творение, призыв природных
компонентов

Последствия: утрата, равноценная призванному

Сопутствующий минерал: пирит

Некромантия * Магия жизни и смерти, жизненная
сила, болезнь и исцеление

Последствия: тошнота

Сопутствующий минерал: бирюза

Охранные чары * Ограждение, защита, отражение заклятий

Последствия: ослабление физического тела

Сопутствующий минерал: турмалин

Стихии * Манипуляции с огнем, водой, землей и воздухом

Последствия: огонь — жар, озноб, вода — сухость, земля — головокружение, воздух — нехватка дыхания

Сопутствующий минерал: прозрачный кварц

Изменение * Смена обличия, трансформации, метаморфозы

Последствия: временная физическая мутация

Сопутствующий минерал: опал

Общение * Перевод, коммуникация с растениями и животными

Последствия: немота, звон в ушах

Сопутствующий минерал: селенит

Истерия * Манипуляции с эмоциями, болью

Последствия: физическая боль, апатия

Сопутствующий минерал: сердолик

Кинез * Движение, сила

Последствия: ригидность, потеря подвижности

Сопутствующий минерал: гелиотроп

Хаократия * Манипуляции с хаосом и порядком, разрушение, восстановление

Последствия: замешательство

Сопутствующий минерал: обсидиан

ГЛАВА 1

2 ноября 1846, остров Блаугдон, Род-Айленд

Только Мерритт снова задремал, как мышинный голосок вырвал его в царство яви. *Прячься прячься. Прячься. Прячься прячься. Прячься. Еда? Еда? Охота. Охота. Прячься.*

Застонав, он прижал ладони к глазам. Каждую ночь. Это случалось *каждую ночь* с тех пор, как он выбрался из логова Сайласа Хогвуда. Как будто этот негодяй проклял его. Как будто посещение его закодированного убежища каким-то образом подстегнуло способности, которые прежде пробивались лишь тоненькой струйкой. Мерритт тридцать один год спал *просто замечательно*, но как только он официально познакомился с Сайласом Хогвудом, голоса стали звучать постоянно.

И почему ему так жарко?

НАСЛЕДНИК СВОЕНРАВНОЙ МАГИИ

Мерритт стащил с себя рубашку и зашвырнул ее куда подальше, вздохнув, когда прохлада начала покалывать кожу.

Прячься прячься прячься.

Вееееееетееееееер.

— Ой, ну только не ты! — прохрипел он, хмуро глядя на окно. Тюлевые занавески были задернуты, но он все равно видел тень красного клена, который стоял прямо под окном, мягко качая ветвями на ветру. Это чертово дерево доставало его больше всех, не считая Оуэйна.

Он заткнул уши, но это, конечно же, не помогло. Чары общения не были связаны со слухом — они шли прямым путем к мозгу, и он пока не нашел способа их отключать. Это был не постоянный поток речи растений и животных, хвала небесам, но по ночам он нарастал. Может, потому что Мерритт расслаблялся. А может, все на этом чертовом острове вело ночной образ жизни.

«Вееееееетер», — шептало дерево.

— Да, я в курсе, — Мерритт отбросил одеяло, дотащился до окна и отдернул занавески. Остров был погружен во тьму, не считая света луны и звезд да далекого луча маяка. Он толком ничего не видел, зато все слышал.

«Тяаяаянемся», — свистели травинки.

«Вееееееетер», — повторяло дерево.

«Хоооооолодно», — пел... сверчок? Тут он не был уверен.

Голоса сплетались и стучали у него в голове, пробуждая знакомую боль, которую никакое лекарство не могло унять. Мерритт прижался лбом к прохладному оконному стеклу, пытаясь подумать о чем-то

другом: о своей книге, о Хюльде, о стирке, о политике — но голоса все равно пробивались.

Да господи боже, заткнитесь.

Он просил. Он молил. Он так устал. Две с половиной недели, каждая ночь хуже, чем предыдущая, и он так, так устал. Мерритт принялся биться головой о стекло. Один, два, три раза. Перестал считать и просто бился, отчего голова болела еще сильнее, но, если он сможет просто стряхнуть эти голоса, может, он и сумеет сегодня урвать хоть несколько часов отдыха. Лишь несколько часов...

Бум. Бум. Бум.

— Мерритт?

Голоса в голове притихли, когда слуха коснулся настоящий голос. Он отодвинулся от окна и увидел в дверях Хюльду: она держала свечу и завернулась в халат, приличия ради. Он так шумел, что разбудил ее?

— Опять? — спросила она, ее голос тоже звучал устало.

Мерритт потер глаза. «*Оно не затихает*», — попытался сказать он, но не издал ни звука. Немота — побочный эффект общения. Приводящий его в бешенство побочный эффект.

Он снова повернулся к окну и ударил кулаком в стекло, достаточно сильно, чтобы ушибить руку, но недостаточно сильно, чтобы разбить его.

Он выкрикнул цепочку немых ругательств в сторону окна и всего, что было за ним.

— О боже, — Хюльда открыла дверь до конца и вошла. Она замерла, когда ее свеча осветила его. — О боже.

Мерритт проследил за ее взглядом, который был направлен на его грудь. Он взглянул вниз.

Точно. Куда там он бросил рубашку?

Он не мог извиниться, так что просто махнул рукой и протопал к кровати, отшвырнул одеяла и шарил, пока не нашел ее, свисающую с сундука. Он снова натянул рубашку на себя. Схватил блокнот с прикроватного столика и уселся на краешек сундука, записывая что-то карандашом. Хюльда подошла поближе, чтобы разглядеть.

Думаю, теперь мы квиты.

Она шлепнула его свободной рукой.

— Хотя бы твое отвратительное чувство юмора не пострадало.

Его губ коснулась улыбка, стало немного лучше. Просто так случилось, что Мерритт — случайно — дважды заставал Хюльду в нижнем белье. В первый раз во время частного урока танцев, который она давала Бет, его горничной, а второй — в том подвале в Маршфилде. Очевидно, платья не особо годились для шныряния по сточным каналам.

Он был совершенно не против, но Хюльде этого не говорил.

«Я срублю это дерево», — записал он. Объяснять было незачем; это была не первая полуночная — или полуденная — беседа, которую они вели через блокнот из-за того, что он не мог говорить. Требовалось лишь пару раз использовать чары — и остров лишил его голоса.

Отложив карандаш, Мерритт снова потер глаза.

— Мне жаль. — Хюльда опустила на сундук и сжала его плечо. — Я думала, та эссенция поможет.

Он покачал головой. Сонная настойка, которую она вливала в него на ночь, больше не работала. Теперь от нее только тяжелело тело.

Мерритт перелистнул страницу и указал на абзац, записанный прошлой ночью заглавными буквами. *Я НЕ СПЕЦИАЛЬНО ЭТО ДЕЛАЮ.*

— Я знаю. — Хюльда потерла то же плечо. Покусала губы. — Мерритт.

Он снова покачал головой. Он знал, что она сейчас скажет.

— Ты должен с ним встретиться.

Медленно выдохнув, Мерритт пропустил пальцы через свои волосы длиной до плеч, наполовину спутанные оттого, что он всю ночь ворочался и метался.

— Очень может быть, что он тоже общающийся. Или хотя бы знаком с такими, — настаивала Хюльда.

Она имела в виду Нельсона Сатклиффа. Человека, который, предположительно, был его биологическим отцом, — занятный факт, который Мерритт недавно узнал. Забавный, зазубренный кусочек пазла в хаосе его жизни. Это секретное отцовство было причиной того, что его отец — Питер Фернсби, человек, который вырастил его, — так сильно его ненавидел. Настолько, что с помощью взятки заставил возлюбленную Мерритта разыграть беременность, лишь бы у него была причина лишить его наследства и вышвырнуть из дома.

Но Нельсон Сатклифф был в Кэттлкорне, родном городе Мерритта. Родители Мерритта тоже были в Кэттлкорне. А он не разговаривал с ними — или хоть с кем-то из своей семьи — тринадцать лет. Питер Фернсби об этом позаботился.

Мерритт отлично понимал, что с этими новыми открытиями нужно разобраться. Что с Сатклиффом и Питером тоже нужно разобраться. Он должен был — он хотел — вернуть себе семью, которую

столь несправедливо отобрали у него. И все же одна мысль о том, чтобы вновь ступить на землю этого городка, вызывала тошноту. Заставляла голову кружиться и отключаться. Он просто... не мог.

Вееееееетер.

Да знаю я, что там чертов ветер! Мерритт беззвучно наорал на дерево, а затем швырнул в него блокнот. Тот с глухим ударом угодил в окно и упал на пол.

— Мерритт, — Хюльда поставила свечу и обхватила его лицо руками, заставляя посмотреть на нее. — Сконцентрируйся на мне. Слушай мои слова. Попытайся отгородиться от всего остального.

Проще сказать, чем сделать.

Видимо, эта мысль отобразилась на его лице, потому что Хюльда добавила:

— Я знаю, что это скучное упражнение, но, прошу, попытайся.

Мерритт подавил вздох и посмотрел Хюльде в глаза, почти карие в этом скудном освещении. Она принялась читать детский стишок, а Мерритт невнимательно его слушал, больше заинтересованный движением ее мягких, полных губ, чем собственно словами. Ни за что на этом благословенном свете Хюльда не позволит ему поцеловать ее здесь и сейчас. Они были не вполне одеты, и была середина ночи, а они находились в его спальне. Она для этого слишком порядочна, и, если честно, это к лучшему. И все же. В этот момент Мерритт ничего не хотел сильнее, чем быть рядом с ней. Если он не мог ее поцеловать, то ему бы хватило положить голову ей на грудь, закрыть глаза и, может быть, заснуть.

Она закончила стишок. Заглянула ему в лицо.